

Своеобразие литературной сказки Т. Разгуляевой

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

Н. М. Юсупова

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
faikovich@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению жанра литературной сказки в творчестве эрзянской писательницы Т. Разгуляевой. Предметом анализа явилась сюжетно-композиционная, проблемно-тематическая, образная специфика её произведений.

Цель статьи: определить особенности структурно-повествовательной системы литературных сказок Т. Разгуляевой.

Материалы исследования: сказки Т. Разгуляевой.

Результаты и научная новизна. Сказки Т. Разгуляевой впервые становятся объектом научной рефлексии и вводятся в контекст финно-угорского литературоведения. Обращение писательницы к сказочной прозе обусловлено стремлением актуализировать нравственно-этическую проблематику в доступной для детей форме – посредством преломления модели функционирования социума на окружающую живую среду. В результате анализа эмпирического материала авторы статьи приходят к заключению о том, что структурно-содержательные, мотивно-образные доминанты сказок Т. Разгуляевой соотносятся с каноническими признаками фольклорного сказочного эпоса и эстетикой мордовской литературной сказки. Специфика авторского художественного дискурса прослеживается в оригинальной интерпретации классических сказочных сюжетов и образов, видоизменении традиционных символов, моделировании взаимодействия и коммуникации персонажей, их именовании, осовременивании предметно-бытовой среды. Сборник «Жила-была сказка» составили познавательные-дидактические сказки, в которых коррелируют научное знание и ирреальные вымышленные ситуации. Доминирующей формой выражения авторского сознания становится животный сказочный эпос, наиболее доступный рефлексии маленького читателя. Пространство сказки-притчи Т. Разгуляевой интертекстуально; культурные архетипические сюжеты, мотивы придают произведениям иносказательность, многозначность смысла, философичность, создают историко-культурный диалог эпох.

Ключевые слова: Т. Разгуляева, современная мордовская литература, литературная сказка, сказка-притча, сюжет, персонаж.

Благодарности: авторы статьи выражают благодарность рецензентам.

Для цитирования: Шеянова С. В., Юсупова Н. М. Своеобразие литературной сказки Т. Разгуляевой // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 358–366.

The originality of a literary fairy tale by T. Razgulyaeva

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

N. M. Yusupova

*Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation,
faikovich@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the genre of a literary fairy tales in the creative work of the Erzya writer T. Razgulyaeva. The subject of the analysis is the plot-compositional, problem-thematic, and figurative specificity of her works.

Objective: to identify the features of the structural and narrative system of literary fairy tales by T. Razgulyaeva.

Research materials: fairy tales by T. Razgulyaeva.

Results and novelty of the research: T. Razgulyaeva's fairy tales for the first time become the object of scientific reflection and are introduced into the context of Finno-Ugric literary studies. The writer's appeal to fairy-tale prose is due to the desire to actualize moral and ethical problematics in a form accessible to children through the refraction of the model of functioning of society on the live environment. In the result of the analysis of the empirical material the authors conclude that structural, motif and imaginative dominants of fairy tales by T. Razgulyaeva correlated with the canonical signs of the folk fairy epos and the aesthetics of a Mordovian literary fairy tale. The specifics of the author's artistic discourse can be traced in the original interpretation of classic fairy tale plots and images, modification of traditional symbols, modeling of interaction and communication of characters, their naming, and modernization of the subject environment. The collection «Once Upon a Time There Was a Fairy Tale» was made up of educational and didactic fairy tales, in which scientific knowledge and unreal fictional situations correlate. The dominant form of expression of the author's consciousness becomes an animal fairy tale epos the most accessible for reflection of a little reader. The space of T. Razgulyaeva's parable fairy tale is intertextual; cultural archetypal plots and motifs give the works an allegorical, polysemic and philosophical character, and create a historical and cultural dialogue of epochs.

Key words: T. Razgulyaeva, modern Mordovian literature, literary fairy tale, parable fairy tale, plot, character.

Acknowledgements: the authors of the article express their gratitude to the reviewers.

For citation: Sheyanova S. V., Yusupova N. M. The originality of a literary fairy tale by T. Razgulyaeva // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 358–366.

Введение

Достижения отечественного литературоведения, связанные с осмыслением феномена литературной сказки, связаны с именами В. П. Аникина, М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа и др. В исследовании жанра литературной сказки велика роль зарубежных исследователей [19; 21; 22; 23; 24]. Так, благодаря финскому литературоведу Б. Хеллману изучение русской детской литературы и культуры на Западе сформировалось в отдельную область исследования. Его монументальная работа «Сказка и быль. История русской детской литературы» [19] заслуживает признания за глубину научного осмысления основных этапов эволюции детской литературы, начиная с XVIII в. до конца 1980-х гг., изучение трансформации отдельных жанровых структур, специфики проблемно-тематического кода, формирования образной системы детских текстов. Анализ литературного и социального дискурсов позволил учёному заключить, что зарождение сказочного жанра в русской литературе обусловлено общественно-политическим контекстом, а социокультурная среда непосредственно отражается в текстах сказок.

Вопросы истории и теории литературной сказки, её жанрообразующих характеристик и классификации в соответствии с жанровой типологией, взаимодействия с фольклорным эпосом, специфических элементов содержания и формы в творчестве отдельных авторов рассмотрены в работах отечественных литературоведов Т. Г. Леоновой [10], М. Н. Липовецкого [11], Л. В. Овчинниковой [15; 16], Н. Ю. Богатырёвой [1], Д. Н. Ващенко [2], И. Ф. Даниловой [6] и др., которые в

процессе разработки оригинальных концепций литературной сказки как синтетического жанра актуализируют ряд взаимосвязанных теоретических и историко-литературных проблем. Так, Д. Н. Ващенко в своей диссертации доказывает теорию «складывающейся жанровой формы литературной сказки», обусловленную «памятью жанра» признаки которой трансформируются, «в произведении функционируют сообразно правилам авторской литературы» [2, 5]. По утверждению исследователя, рядом своих «внешних» характеристик она полностью автономна от фольклорного первоисточника, кроме того, влияние народной традиции может быть сведено к минимуму, порой автор иронизирует над аутентичным сюжетом, что приводит к формированию «нового вида модальности автора по отношению к изображаемому миру» [2, 5]. Таким образом, эволюционный процесс литературной сказки исследователь усматривает в корреляции трансформированных категорий фольклорного сказочного эпоса и индивидуально-авторских мотивно-образных предпочтений.

В мордовском литературоведении литературная сказка также не остаётся на периферии научного интереса, о чём свидетельствуют работы С. А. Самошкина [18], Т. В. Уткиной и Л. П. Водясовой [4; 5], Л. М. Имангуловой [9], А. В. Еремкина [8], Н. И. Швечковой [20] и др. Определяя место литературной сказки в историко-культурном процессе Мордовии, А. В. Ерёмкин справедливо заключает, что «по своему значению, содержанию и объёму она занимает особое место, вполне соотносимое с повестью и рассказом. Её возникновению предшествовала и во многом

способствовала развитая традиция народной сказки, опыт художественной переработки сказочных сюжетов и мотивов» [8, 3]. Мотивы активного обращения современных авторов к данному жанру исследователь объясняет его универсализмом – «психологической основой», «осмыслением “вечных” проблем человеческого бытия», «воспитательным воздействием» [8]. По-нашему мнению, отказ эрзянской писательницы Т. Разгуляевой от литературной реальности в пользу ирреального осмысления действительности обусловлен как «памятью жанра», нравственной интенциональностью сказки, так и её способностью в оригинальной форме отразить общественные проявления рубежной эпохи – дисгармонизацию взаимоотношений личности и социума, нивелирование этнических и духовно-нравственных основ, ощущение трагизма бытия, интенсивные поиски стабильности и психологического комфорта.

До настоящего времени творчество Т. Разгуляевой не становилось предметом специального исследования. Между тем скрупулёзное изучение сюжетно-композиционной, проблемно-тематической, образной специфики её сказок позволит осмыслить факторы, направления эволюционирования мордовской литературы начала XXI в., подведёт к объективной рефлексии уровня эстетического развития национальной словесности на современном этапе.

Материалы и методы

Материалом исследования явились сказки Т. Разгуляевой «Слепая любовь», «Колбочка и Колокольчик», «Добро», «Спасатель», «Деревянная лопата и кадушка», «Счастье», «Потеря» и другие произведения из сборника «Эрзясь-аштесъ ёвкске» («Жила-была сказка»).

В работе использован ряд традиционных методов литературоведческого исследования: историко-литературный, структурно-описательный, структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста.

Результаты

Жанровая парадигма современной мордовской литературы представлена множеством жанров и жанровых форм, отличных друг от друга не только формально-структурными составляющими, но и динамичностью, функциональностью, коммуникативностью, «антропологической составляющей, которая заключается в роли, назна-

чении жанра в деятельности человека» [14]. На рубеже XX–XXI вв. активизируется литературная сказка, что обусловлено рядом внешних (социально-культурных) и имманентных факторов. В сложных общественных условиях рубежной эпохи остро проявляются негативные стороны человеческой природы – агрессия, жестокость, нереализованность, пессимизм. Сказка способствует внутренней гармонизации личности, углублённому осмыслению основ бытия, оптимистичному восприятию действительности, утверждает этические ценности, что коррелирует с задачей писателей – «дать урок воспитания нравственности и, вместе с тем, выразить ощущение своего времени в художественной (т. е. сказочной) форме, доступной детскому сознанию и заключающей в себе глубину философских раздумий о смысле жизни и назначении человека» [22]. Кроме того, сказка, на наш взгляд, отражает потребности читательской аудитории в рефлексии текстов, прежде всего, небольших по объёму, эмоционально интенсивных, замысловатых по сюжету, «содержащих элемент волшебства или иной сверхъестественный элемент» [14], установку на развлечение.

История литературной сказки Мордовии представляет собой и органичную часть национального литературного дискурса, и фрагменты индивидуально-творческой истории. «Золотой век» мордовской авторской сказки связан с творчеством Ф. Атянина, Д. Куляскина, Я. Пинясова, В. Радаева, С. Люлякиной, П. Родькиной, Т. Тимохиной и др. В настоящее время в сказочном эпосе работают В. Мишанина, В. Брындина, Л. Седойкин, Л. Дергачева, Л. Ломшина, М. Тарасова и др. Многообразие и оригинальность творческих образцов этих авторов позволяют исследователям выделить следующие жанровые модификации сказочной литературной прозы: сказка-быль, сказка-басня, сказка-легенда, сказка-притча, сказка-новелла, сказка-поэма, сказка-стихотворение, сказка-рассказ, сказка-пьеса [4].

В 2019 г. Т. Разгуляева издала книгу сказок для детей младшего и среднего школьного возраста «Эрзясь-аштесъ ёвкске» («Жила-была сказка»). Для филологов, специалистов в области детской психологии актуален вопрос о соотношении этапов взросления ребёнка и определённых фольклорных и литературных жанров. Исследователи, занимающиеся общими вопросами сказочного жанра, выделяют «маленькие сказки» (сказки для маленьких), для которых характерны

«близкий и количественно ограниченный круг действующих лиц, простота фабулы, примитивность построения, незамысловатость словаря, чёткость синтаксиса и проч.» [3, 77]. «Маленькие сказки» Т. Разгуляевой соответствуют возрастным особенностям указанной аудитории читателя, произведения в доступной форме «учат делать добро, уважать старших, любить близких, свою Родину. Герои сказок – звери, птицы, насекомые, растения – ценят ум, трудолюбие, отзывчивость, осуждают лень, глупость, грубость» [17]. Безусловно, рефлексия читателем сказок поможет ему в восприятии окружающей среды, социально-бытовой действительности, позволит сформировать основы нравственно-этического облика маленького человека.

Сборник «Жила-была сказка» составили 38 сказок, которые красноречиво демонстрируют уровень творческого мастерства писательницы, раскрывают специфику её творческого метода и стиля, оригинальную авторскую концепцию мира и человека. Вместе с тем в структурно-содержательных, мотивно-стилевых особенностях сказок отражаются канонические признаки и эстетика современной мордовской литературной сказки в целом. В произведениях Т. Разгуляевой прослеживаются элементы фольклорного сказочного эпоса – установка на вымысел, победа добра над злом, двойственность природы персонажей, преодоление ими разного рода препятствий, аксиологический смысл, нравоучительное содержание – манифестация общечеловеческих моральных законов, принципов. Индивидуально-авторское начало проявляется в моделировании нарратива текста (отражение современных реалий), отказе от традиционного зачина, оригинальной интерпретации традиционных сказочных сюжетов, выборе действующих лиц (в большей части нехарактерных для устного народного творчества персонажей), их взаимодействии, характеристике и номинации, лексических особенностях произведений.

Произведения данного сборника относятся к разновидности познавательно-дидактической сказки – «сказки-несказки» (В. Бианки), в которой «сохраняются некоторые элементы стиля и композиции народных сказок, но в ней минимализировано жанрообразующее свойство народной сказки – наличие фантастики» [13]. Сказки Т. Разгуляевой удачно сочетают в себе научное

знание и сказочный вымысел, реалистическую точность, достоверность описываемого и анимизм как ведущий художественный прием. Это своеобразный способ разговора взрослого с ребёнком о жизненно важных вещах, явлениях окружающей действительности, которые невозможно объяснить на языке абстракций. Ему предлагается взглянуть на мир глазами любопытного зайчонка, старого мудрого ежа, трудолюбивого муравья, смелого кузнечика, задумчивого волка и др. Произведения знакомят ребёнка со сложными законами бытия, объясняют преимущества и недостатки жизненной позиции, сложившейся ситуации. Сказки носят природоведческий характер: раскрывая ту или иную занимательную историю, автор акцентирует внимание на особенностях поведения, повадках животных, птиц, насекомых, проводит параллели между животным миром и человеческим обществом. Читением произведения его рефлексия не завершается, оно требует обсуждения, т. к. почти все сказки заканчиваются авторскими вопросами, заставляющими маленького читателя рассуждать, высказать свою позицию по отношению к заявленной проблеме.

В качестве персонажей в произведениях Т. Разгуляевой выступают традиционные для мордовского сказочного эпоса образы зайца, волка, медведя, ежа, белки, свиньи, кошки, мышки, однако много образов писательница впервые вводит в эпический дискурс национальной сказочной прозы. Это образы летучей мыши, павлина, бобра, суслика, неживых предметов и явлений природы – зеркала, лампы, луны, тропинки, солнечного лучика, кувшинки и др. Авторская интерпретация персонажей не всегда соотносится с их традиционным восприятием в народном сознании. Так, зайчонок из сказки «Загадка» не трусливый, а задумчивый, он пытается понять, «почему некоторые снежинки падают на землю и блестят, а другие растворяются в луже»¹ [17, 8], добрый и смелый заяц угощает волка морковкой в сказке «Доброе слово и морковь», медвежонок Минька – персонаж сказки «Жёлтый лист» – любознательный, котенок Мур-Мур обидчивый («Колючка»), кувшинка самовлюбленная и эгоистичная («Счастье»).

Взаимодействие между действующими лицами сказки строится по двум обусловленным их поведением принципам: помощник – противник, жертва – злодей. Каждый из персонажей воплощает

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – С. Ш.

определённую стратегию (модель) поведения, которая раскрывается в его действиях, а также в коммуникативном взаимодействии с другими героями. Так, заяц Короткий Хвост из сказки «Мечта» пытается реализовать свою мечту – научиться летать, для этого мастерит «крылья» из веток, но взлететь ему так и не удастся. О своём заветном желании зайчонок рассказывает Сороке, которая предлагает принять реальность («рождённому без крыльев в небе делать нечего»), отказаться от мечты и радоваться жизни на лесной поляне. Короткий Хвост находит поддержку у Коршуна, которому импонирует его настойчивость и упорство («стремящийся всегда побеждает»). Птица помогла зайцу реализовать его мечту – подняла в небо в клюве. Сказка не только развивает наглядно-образное мышление и воображение читателя, но и демонстрирует привлекательную для него поведенческую модель.

В произведении «Добро» посредством типичного сказочного противопоставления характеризуются добродушные Муравей, Муха, Кузнечик и злой Слепень. Конфликт между персонажами завершается примирением и чаепитием в новом тёплом доме Слепня, осознавшего свои ошибки – грубое поведение, несправедливые упреки в адрес друзей. От внимания и доброты окружающих он становится добрее. В сказке «Спасатель» лесные звери смеются над трудолюбивым муравьем, живущим по принципу «пустая трата времени до добра не доведёт» [17, 87]. Неожиданно начавшийся ливень не только напугал зверей, но и превратил поляну в остров, отрезанный от леса глубоким рвом. На помощь животным приходит смелый муравей, он подсказал, что необходимо сделать мост из камней и веток, через который можно перебраться на большую землю. В сказке «Спор» старый мудрый Ёж сумел сохранить дружбу Кузнечика и Воробья, которые поспорили о том, кто из них лучше прыгает и летает. Он указал на то, что спор несправедлив, потому что «спорить можно с равным себе и о том, что способен выполнять» [17, 77]. Контрастное конструирование системы персонажей по принципу помощник – противник увеличивает импрессию силу текста, воздействуя на чувственную сферу ребёнка, а также отражает различные модели взаимодействия и коммуникации людей в обществе.

По принципу жертва – злодей строится персонажная сфера в сказках «Слепая любовь», «Колочка и Колокольчик», «Соловей» и др.

Сказкам Т. Разгуляевой характерна притчевость, что отражает одну из основных тенденций жанрового обогащения современной мордовской литературы. Как известно, движение жанров приводит к расширению или сужению жанровых границ, качественному изменению жанрового канона, скрещиванию, гибридизации жанров. Трансформационные процессы рубежного периода, как ни парадоксально, сопровождаются регенерацией архаических форм. По убеждению исследователей, «архаические модели и сюжетные структуры предоставляют современному писателю возможность сказать о тайной глубине жизни, избегая пафоса, риторики и дидактики» [12]. Притчевость определяет сюжетопостроение в сказках «Слепая любовь», «Потеря», «Деревянная лопата и кадушка», «Соловей», «Лампа», «Счастье», «Колочка и Колокольчик» и др. Сказки-притчи Т. Разгуляевой построены на философской аллегории, предполагающей глубокий онтологический смысл, раскрывающей борьбу добра и зла, любви и алчности, добродушия и лицемерия, трудолюбия и лени и т. д., вызывающей разнообразные ассоциации у читателя.

Сказка «Слепая любовь» основана на мифопоэтическом образе павлина и архетипическом сюжете о происхождении его роскошного хвоста. Беспрецедентные для мордовской литературы образы павлина-матери и павлина-сына облакаются в традиционный национальный мотив бесконечной материнской любви и преданности. На наш взгляд, именно эти образы становятся ключевыми для понимания авторского мировосприятия. Некогда у самки-павлина был красивый пышный хвост, который она распускала на зависть окружающим, но с появлением птенца она перестала думать о своей красоте, все силы отдала воспитанию сына, который вырос эгоистичным, алчным, лицемерным. Наступило время, когда мать-павлин лишилась сил и не смогла дать сыну то, что он требовал. Тогда она вырвала перо со своего хвоста и отдала ему, но одного пера ему не хватило, он просил ещё и ещё. Мать вырвала все перья и стала похожа на мокрую курицу. Образ павлина-матери раскрывается в действиях и интенциях – готовности жертвовать собой ради благополучия дитя. Мотив безграничной и слепой материнской любви передан эмоционально и выразительно. Реанимированные в сказке архаические метафоры и символы соотносятся с нравственными константами современного общества, отражают актуальные проблемы взаимоотношений родителей и детей.

В сказке-басне «“Соловей”» посредством орнитологических образов раскрывается глубокая мысль о предназначении человека, его роли и месте в обществе. Занимающий высокий пост Воробей устроил своего сына-переростка учиться в музыкальное училище, чтобы он, несмотря на отсутствие вокальных способностей, «запел как соловей». Директор училища Орёл, боясь гнева Главы, льстит ему и расхваливает «высокий» голос его сына. После окончания учебы Воробья-сына ждёт большая сцена. Он долго и красиво раскланивается, а когда публика просит его запеть, «вместо соловьиных трелей – чик-чирик» [17, 33]. Таким образом автор разоблачает Воробья, раскрывает его «талант», что вызывает соответствующую реакцию маленького читателя. Иносказательная аллегорическая форма сближает сказку с басней, однако в отличие от неё в сказке нет эксплицитно сформулированной морали, вместе с тем поставленные автором в конце произведения вопросы («На своём ли месте оказался воробей? Похоже или нет поведение птиц на нравы людей? Почему говорят, что не место красит человека, а человек – место?») [17, 33]) свидетельствуют о дидактической направленности произведения.

В сказке «Деревянная лопата и кадушка» в авторской интерпретации репрезентован архетипический мотив о ленивцах из «Книги притчей Соломоновых», содержащий осуждение ленивых и предрекающий: «Алчба ленивца убьёт его, потому что руки его отказываются работать...» (Притч. 21:25). Финальная фраза сказки передаёт аналогичную мысль: «Давно известно: трудолюбивый будет жить, ленивый – умрёт» [17, 29]. В народном сознании лень и равнодушие – одни из главных человеческих пороков, негативные волевые качества, которые приводят к деградации личности и её гибели. Персонажи сказки – деревянная лопата и кадушка – символизируют ленивого, безынициативного человека, который самоустранивается от работы, с течением времени утрачивает навыки и оказывается не востребован.

Обращение Т. Разгуляевой к гибридной форме сказки-притчи оказалось оправданным и продуктивным. Автору удалось раскрыть «вечные» метафоры, символы, соотнести их с нравственно-этическими приоритетами современного общества, констатировать их незыблемость, утвердить важность прочной связи человека с народной традицией. В результате скрещивания авторской сказки и архаической формы притчи расширяется

семантическое пространство её произведений, совмещаются разные историко-культурные коды, воссоздаётся диалог культур и эпох.

Следует указать на то, что писательница искусно создает образы сказочных персонажей, каждый из которых имеет ярко выраженную индивидуальность, отражающуюся не только во внешних признаках, манере поведения, речевых особенностях, но и в именовании. Исследователь С. Д. Дядюн отмечает, что «имя является главным маркером идейно-художественной концепции произведения, отражая как национальный менталитет народа, так и индивидуальную точку зрения автора» [7]. В сказках Т. Разгуляевой имя многофункционально – выполняет характерологическую и индивидуализирующую роль. Основным принципом создания именованного персонажа является персонификация, что отражает двойственную природу персонажей – животных (Кедьнимиялв ‘летучая мышь’, Лягатайка ‘лягушка’), птиц (Кавал ‘орёл’, Озякка ‘воробей’), насекомых (Ведьбука ‘водяной жук’, Таста ‘кузнечик’), растений (Ведьлукш ‘кувшинка’) и даже неодушевлённых предметов (Чипаень Налнэ ‘лучик солнца’, Лампа), которые наделяются человеческими чертами. В других случаях акцент делается на биологическом представлении персонажа: медвежонок Минька, котёнок Мур-Мур, кабанёнок Хрюнине, воронёнок Ашолкай, зайчонок Нурька Пулыне, кот Кузя, бельчата Вырк и Луньк, бобёр Пшти Пейне, суслики Кивчке и Котьмай, воробушек Чив-Чив, лягушка Вак-Вак, мышонок Пик др. Собственное имя подчёркивает природную уникальность персонажа, неповторимость его поведенческой стратегии. Именованное большинство персонажей основано на вызываемых ими зрительных, звуковых ассоциациях, а также обусловлено нравственно-этической интенциональностью образов. Так, авторское отношение к положительным персонажам передаётся посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов. Имена героев сказок придуманы самим автором, они не являются фольклорно-мифологическими реминисценциями, однако воспринимаются как органичная часть национальной культуры.

Как известно, портретная характеристика персонажа играет важную роль в его восприятии и интерпретации. Т. Разгуляева находит такие детали, которые не укладываются в стереотипные модели портретов сказочных героев. В сказке «Доброе слово и морковь» старый Волк характеризуется одним словом – сёрмав («серый»),

а молодой, озорной заяц похож на мальчика: «... навстречу ему на трёхколесном велосипеде едет зайчик. На голове – вязанная шерстяная красная шапка, и такого же цвета курточка. Такой хорошенький! Такой пухленький! Он во весь голос пел весёлую песенку. От его звонкого голоса в лесу стало светлее, из-за туч выглянуло солнышко» [17, 35]. Посредством портрета не только раскрывается авторское отношение к персонажу (как видно из цитаты, оно эксплицировано лексическими и синтаксическими средствами), но и манифестируются духовно-нравственные константы – добродушие, сострадание, стремление помочь ближнему.

Т. Разгуляева, носитель и знаток эрзянской речи, ратует за возрождение исконно эрзянских слов, поэтому в её произведениях нет заимствований, она использует аутентичные лексические формы. Для лёгкости их восприятия и текста в целом все сказки сопровождаются небольшим словариком, в который включены слова, смысл которых может быть не понятен читателю по той причине, что данные лексемы не используются в речи, их заменили русские заимствования. Произведения Т. Разгуляевой способствуют возрождению и сохранению лексического богатства эрзянского языка, национальной культуры в целом, что особенно актуально в условиях глобализации, полилингвальной культурной среды, активной межэтнической коммуникации.

Обсуждение и заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в сказках Т. Разгуляевой отражается аксиосфера фольклорного сказочного эпоса, эстетика мордовской литературной сказки, синтезирующиеся с оригинальными индивидуально-авторскими содержательными структурами, мотивно-образными моделями. Сборник «Жила-была сказка» составили сказки о животных, однако традиционные категории

этой разновидности обновляются современными идейно-мотивными кластерами, расширяются за счёт персонажей, не характерных для фольклорного эпоса или получивших оригинальную авторскую трактовку. Взаимодействие и коммуникация между персонажами, их характеры, занятия, предметная среда воссоздают человеческий мир, при этом они максимально приближены к современности.

Познавательная-дидактическая природоведческая сказка Т. Разгуляевой информативна, насыщена конкретными сведениями об окружающей среде, живом мире, её увлекательный сюжет ненавязчиво подводит читателя к познавательному процессу – расширению знания о природном, социально-бытовом, восприятию духовно-нравственного ценностного кода, формированию соответствующего эталона поведения, мышления.

Произведениям Т. Разгуляевой характерна притчевость. Аллюзии на архетипические сюжеты, мотивы, образы расширяют смысловое пространство сказки, углубляют экзистенциально-философскую проблематику, обнаруживают связь текста с широким культурным контекстом, одновременно соотносятся с актуальными проблемами современности. Интертекстуальный пласт не отягощает произведения, в которых в форме занимательной истории раскрывается «вечное» противостояние добра и зла, любви и алчности, благородства и тщеславия.

Принципы построения сюжета, ненавязчивый органичный дидактизм, экспликация духовно-нравственных ценностей, способы моделирования сказочной действительности, принципы взаимодействия персонажей, актуализация в анималистических героях человеческой психологии и мировосприятия, глубокая философичность, авторский призыв к рассуждению, анализу вызывают яркую эстетическую реакцию, что обеспечивает востребованность сказок Т. Разгуляевой читательской аудиторией.

Список источников и литературы

1. Богатырева Н. Ю. Литературная сказка В. П. Крапивина: жанровое своеобразие и поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998. 208 с.
2. Ващенко Д. Н. Литературная сказка в творчестве И. Сабуровой: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 196 с.
3. Виноградов Г. С. Народная педагогика // Виноградов Г. С. «Страна детей». Избранные труды по этнографии детства. СПб.: Историческое наследие, 1999. С. 77–103.
4. Водясова Л. П., Уткина Т. В. Литературная сказка Мордовии: инвариантность жанров, речевые параметры, педагогический потенциал. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2018. 105 с.
5. Водясова Л. П., Уткина Т. В. Развитие литературной сказки Мордовии в XX–XXI вв. // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности. Йошкар-Ола: [б. и.], 2015. С. 60–64.

6. Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова: 1900–1920-е годы: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 246 с.
7. Дядюн С. Д. Антропонимия хантыйских сказок // Вестник угроведения. 2015. Т. 5. № 4. С. 33–38.
8. Еремкин А. В. Поэтика мордовской литературной сказки: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 16 с.
9. Имангулова Л. М. Поэтика жанров современной мордовской детской литературы: дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 1995. 195 с.
10. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в её отношении к народной сказке (Поэтическая система жанра в историческом развитии). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 197 с.
11. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 184 с.
12. Маркова Т. Н. Роль архаических повествовательных форм в обновлении русской прозы // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2018. № 3. С. 37–42.
13. Маслова С. А. Художественный мир современной детской литературной сказки // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1–2. С. 116–118.
14. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3 (2). С. 103–109.
15. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX в.: история, классификация, поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2003. 311 с.
16. Овчинникова Л. В. Специфика жанра литературной сказки. М.: [б. и.], 2001. 387 с.
17. Разгуляева Т. Эрясь-аштеть ёвкскэ (Жила-была сказка). Саранск: Книга, 2019. 104 с.
18. Самошкин С. А. Мордовская детская литература. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. 184 с.
19. Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / Пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литер. обозрение, 2016. 560 с.
20. Швечкова Н. И. Жанрово-видовое своеобразие современной мордовской литературной сказки // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3 (23). С. 195–200.
21. Mayer M., Tismar J. *Kunstmärchen*. Stuttgart; Weimer: Metzler, 2003. 166 p.
22. Opie I. and P. *The Classic Fairy Tales*. London: Oxford University Press, 1980. 344 p.
23. Shaphayegh G. *The Reader-Response Approach in Roald Dahl's Children's Novels*. Shahid Beneshti University, 2005. 180 p.
24. Van der Walt T., Fairer-Wessels F., Inggs J. *Change and Renewal in Children's Literature*. Westport. London: Praeger Publishers, 2004. 216 p.

References

1. Bogatyreva N. Yu. *Literaturnaja skazka V. P. Krapivina: zhanrovoe svoeobrazie i pojetika* [V. P. Krapivin's literary fairy tale: genre originality and poetics]. Moscow, 1998. 208 p. (In Russian)
2. Vashhenko D. N. *Literaturnaja skazka v tvorcestve I. Saburovoj* [Literary fairy tale in the works of I. Saburova]. Moscow, 2005. 196 p. (In Russian)
3. Vinogradov G. S. *Narodnaja pedagogika* [Folk pedagogy]. Vinogradov G. S. «Strana detej». *Izbrannye trudy po jetnografii detstva* [Vinogradov G. S. «Country of Children». Selected works on the ethnography of childhood]. Saint-Petersburg: Istoricheskoe nasledie Publ., 1999. pp. 77–103. (In Russian)
4. Vodyasova L. P., Utkina T. V. *Literaturnaja skazka Mordovii: invariantnost' zhanrov, rechevye parametry, pedagogicheskij potencial* [Literary fairy tale of Mordovia: invariance of genres, speech parameters, pedagogical potential]. Saransk: Mor. gos. ped. un-t Publ., 2018. 105 p. (In Russian)
5. Vodyasova L. P., Utkina T. V. *Razvitie literaturnoj skazki Mordovii v XX–XXI vv.* [Development of a literary fairy tale of Mordovia in the XX–XXI centuries]. *Hudozhestvennaja kul'tura narodov Volgo-Kamskogo polijetnicheskogo regiona v paradigme sovremenosti* [Artistic culture of the peoples of the Volga-Kama multi-ethnic region in the modern paradigm]. Yoshkar-Ola: [w/p], 2015. pp. 60–64. (In Russian)
6. Danilova I. F. *Literaturnaja skazka A. M. Remizova: 1900–1920-e gody* [A. M. Remizov's literary fairy tale: 1900s–1920s]. Saint-Petersburg, 2008. 246 p. (In Russian)
7. Dyadyun S. D. *Antroponimija hantyjskih skazok* [Anthroponymy of Khanty fairy tales]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 5 (4), pp. 33–36. (In Russian)
8. Eremkin A. V. *Pojetika mordovskoj literaturnoj skazki* [Poetics of a Mordovian literary fairy tale]. Moscow, 2008. 16 p. (In Russian)
9. Imangulova L. M. *Pojetika zhanrov sovremennoj mordovskoj detskoj literatury* [Poetics of genres of modern Mordovian children's literature]. Saransk, 1995. 195 p. (In Russian)
10. Leonova T. G. *Russkaja literaturnaja skazka XIX veka v ejo otnoshenii k narodnoj skazke (Pojeticheskaja sistema zhanra v istoricheskom razviti)* [A Russian literary fairy tale of the XIX century in its relation to the folk tale (Poetic system of the genre in historical development)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1982. 197 p. (In Russian)
11. Lipovetskiy M. N. *Pojetika literaturnoj skazki (na materiale russkoj literatury 1920–1980-h godov)* [Poetics of a literary fairy tale (based on Russian literature of the 1920s–1980s)]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 1992. 184 p. (In Russian)

12. Markova T. N. *Rol' arhaicheskikh povestvovatel'nyh form v obnovlenii russkoj prozy* [The role of archaic narrative forms in the renewal of Russian prose]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija* [Ural Journal of Philology. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and ways], 2018, no. 3, pp. 37–42. (In Russian)
13. Maslova S. A. *Hudozhestvennyj mir sovremennoj detskoj literaturnoj skazki* [The artistic world of a modern children's literary fairy tale]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald Vyatka State University], 2012, no. 1–2, pp. 116–118. (In Russian)
14. Namychkina E. V. *Skazka kak literaturnyj zhanr* [Fairy tale as a literary genre]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. [Herald Vyatka State University], 2010, no. 3 (2), pp. 103–109. (In Russian)
15. Ovchinnikova L. V. *Russkaja literaturnaja skazka XX v.: istorija, klassifikacija, pojetika* [Russian literary fairy tale of the XX century: history, classification, poetics]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2003. 311 p. (In Russian)
16. Ovchinnikova L. V. *Specifika zhanra literaturnoj skazki* [Specifics of the genre of a literary fairy tale]. Moscow: [w/p], 2001. 387 p. (In Russian)
17. Razgulyaeva T. *Zhila-byla skazka* [Once Upon a Time There Was a Fairy Tale]. Saransk: Kniga Publ., 2019. 104 p. (In Erzya)
18. Samoshkin S. A. *Mordovskaja detskaja literatura* [Mordovian children's literature]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967. 184 p. (In Russian)
19. Hellman B. *Skazka i byl': Istorija russkoj detskoj literatury* [Fairy tale and true story: History of Russian children's literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 560 p. (In Russian)
20. Shvechkova N. I. *Zhanrovo-vidovoe svoeobrazie sovremennoj mordovskoj literaturnoj skazki* [Genre and species peculiarity of a modern Mordovian literary fairy tale]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija* [Bulletin of the Scientific Research Institute of Humanities at the Government of the Republic of Mordovia], 2012, no. 3 (23), pp. 195–200. (In Russian)
21. Mayer M., Tismar J. *Kunstmärchen*. Stuttgart; Weimer: Metzler, 2003. 166 p. (In German)
22. Opie I. and P. *The Classic Fairy Tales*. London: Oxford University Press, 1980. 344 p. (In English)
23. Shaphayegh G. *The Reader-Response Approach in Roald Dahl's Children's Novels*. Shahid Beneshti University, 2005. 180 p. (In English)
24. Van der Walt T., Fairer-Wessels F., Inggs J. *Change and Renewal in Children's Literature*. Westport. London: Praeger Publishers, 2004. 216 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6504-3410

Юсупова Нурфия Марсовна, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420035, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстана, д. 2), доктор филологических наук, доцент.

faikovich@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0001-7353-0182

ABOUT THE AUTHORS

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6504-3410

Yusupova Nurfiya Marsovna, Associate Professor of the Department of Tatar Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication of the Kazan Federal University (420035, Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan st., 2), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

faikovich@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0001-7353-0182